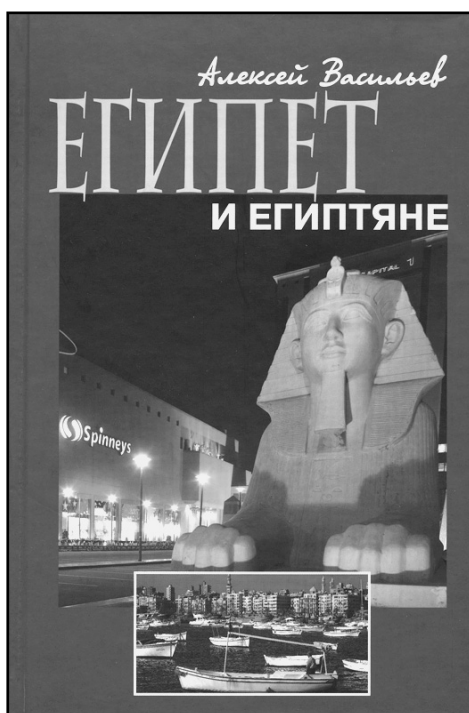

ТЫСЯЧЕЛЕТΙΑ ТЕРПЕНИЯ ВЕЛИКАНА

Воспоминания нахлынули на меня сразу, как только я взял в руки книгу *А.М.Васильева «Египет и египтяне»* (3-е изд. М., Восточная литература, 2008, 366 с., ил., тираж 5 тыс. экз.). В начале 1966 г. мне довелось провести месяц в этой стране, посетить Каир, Александрию, Исфаилию, Луксор, Асуан и - в нескольких десятках километров от него - нубийское селение Ком-Омбо. Так же, как автор книги (и примерно в то же время), я любовался скульптурной группой Махмуда Мухтара, с описания которой начинается книга. Так же изумлялся гигантскими масштабами возводившейся тогда египтянами и нашими специалистами Асуанской плотины и беседовал с некоторыми из них, встречался с учеными и деятелями культуры Египта, среди которых мне особенно запомнился Фуад Мурси, столь тепло и выразительно выведенный в книге (с. 115, 151-153).

О Египте писать очень трудно. Эта страна - одновременно арабская и африканская, мусульманская и средиземноморская - всегда остается загадкой для иностранца, неожиданно и непредсказуемо поворачиваясь к нему то одной, то другой стороной своей многоплановой синкретической цивилизации, поочередно восхищая, разочаровывая, удивляя и ставя в тупик. По крайней мере, так было со мной.

Однако в рецензируемой книге, построенной на гораздо более продолжительном знакомстве автора с Египтом и основательном его изучении как теоретическом, так и практическом, демонстрируется иной подход. Автор, как

бы преодолев чисто эмоциональное и непосредственное восприятие египетских реалий, анализирует их последовательно, спокойно и методично. И постепенно выясняется, что жанр рецензируемого произведения довольно трудно определить. Это - и путевые заметки, и этнографические очерки, и популярное изложение истории Египта, начиная с самых древнейших времен, и публицистика легко владеющего пером опытного журналиста. В то же время это - бесспорно исследование многих спорных или малоизученных проблем прошлого и настоящего Египта, построенное не только на знании соответствующих документов, литературы и прессы, но и на личных впечатлениях автора, на его эрудиции и опыте ученого-арабиста, умеющего, к тому же, увлечь читателя, обратить его внимание на многие

научные истины, обычно ускользающие в суховатом формате строго академического изложения.

Работа очень тонко выстроена структурно. Каждой главе предшествуют по несколько вводящих в суть ее содержания эпитафов из Геродота, Насира-и-Хисрау, Эмиля Людвиг, Ивана Бунина, Николая Гумилева, Джеймса Олдриджа, историка позднего средневековья аль-Макризи, президента Мубарака, ряда арабских и других авторов.

Первым арабом, писавшим о Египте, был его завоеватель Амр ибн аль-Ас: «Все его богатство - докладывал он своему повелителю - происходит из благословенной реки, которая течет по нему с достоинством халифа» (с. 10). В этой похвале Нилу - вся мудрость обитателя пустыни, привыкшего на вес золота ценить каждую каплю воды. Она - как бы ключ ко всей первой главе «Антипустыня» (с. 9-40), содержащей подробное описание природы, климата, почв и геологической истории Египта, в котором буквально все - земледелие, ландшафты, агрокультуры, каналы - создано в ходе непрерывной борьбы человека с мертвой хваткой наступающей пустыни, вынужденной в конце концов отступить.

И, как бы мимоходом, завершая рассказ о «фараонах-инженерах» и «жрецах-ирригаторах», автор делает важнейший вывод: «Не только в древности, но и вплоть до последних десятилетий XIX в. Египет не знал частной собственности на землю в качестве главной формы собственности... В условиях централизованной ирригации требовались кол-

лективные усилия всего общества» (с. 24). Казалось бы, что тут нового? Однако дискуссии на эту тему вспыхивают каждый раз, когда речь заходит о так называемом азиатском способе производства, и конца им не видно. Более того, всплывающий на волне глобализации тезис о «вечности» частной собственности на землю снова питает иллюзорные схемы, не имеющие ничего общего с реальностью, о чем писал еще видный русский социолог начала XX в. Максим Ковалевский. Наконец, вольно или невольно А.М.Васильев помогает становлению пока что слабой у нас исторической социологии Востока, которая одна только и может дать ответ на многие жгучие вопросы современности, опираясь на квалифицированный анализ прошлого.

Таким же острым вниманием к взаимодействию, взаимосплетению истории и современности характеризуются и другие главы. «Основание пирамиды» (с. 41-69) - это гимн многострадальному египетскому крестьянству. «Голова великана на слабом теле» (с. 71-112) - гимн городу Каиру, незаметно переходящий в достаточно точный и не всегда лицеприятный социальный портрет всей страны. Эта глава напомнила мне многое - и накренившиеся на бок под тяжестью висящих буквально гроздьями на подножках пассажиров каирские автобусы, и назойливых собирателей *бакишиша*, и шоферов, с недозволенной скоростью и блаженной улыбкой мчащихся по встречной полосе! Конечно, автор не мог умолчать о «чавкающем, наглом богатстве» египетских олигархов - «жирных котов *инфитаха*», о Садате и его клане, о «чудовищном абсурде всеегипетской распродажи», в который вылилась провозглашенная Садатом политика *инфитаха* - «открытых дверей», полной либерализации торговли и хозяйственной деятельности местных и иностранных компаний и банков. Но он нигде не перебарщивает с уже привычным для нас разоблачительным пафосом, когда речь идет о неоднозначном процессе формирования

«*инфитаховской*» буржуазии. Автор просто (и вполне объективно) констатирует: «В настоящую торговую или производственную, промышленную буржуазию начал превращаться только один какой-то ее сегмент, остальные продолжали носить родовые черты паразитизма» (с. 105-106). Но и по адресу «производительного» сегмента *инфитаховских* капиталистов справедливо говорится, что, хотя они скупчили «за бесценок лакомые куски государственной собственности», все же «они еще не могут навязать свои правила игры». К тому же, «линии раздела проходят между исламским и светским сегментами буржуазии, между импортерами и производителями, между традиционными боссами и технократами, получившими западное образование» (с. 112).

Ключевой можно считать главу «Шесть тысячелетий терпения» (с. 113-158). В ней автор со знанием дела рассказывает о том, что же такое египетское общество, как сочетаются в нем коллективизм и индивидуализм, корпоративный дух и кровнородственные связи, давление шариата и общественное мнение. Сквозь ткань повествования подспудно пробивается интерес к традиционным корням социальной специфики современного Египта, к принятым ранее методам коллективной или групповой эксплуатации, к превращениям изумлявших еще Бонапарту мамлюков из рабов-гвардейцев в господ, военных и гражданских иерархов. Интересно, как прослеживаются связи между прошлым и настоящим, между сугубо деревенским традиционным коллективизмом и его метаморфозами в городе, где чуждый сельскому укладу образ жизни разрушает традиции и определяемые ими социальные связи, превращая переживающего психологическую ломку мигранта в «сверхиндивидуалиста», необязательного и недисциплинированного, с трудом ориентирующегося в городском хаосе, «в котором каждый игнорирует каждого и все игнорируют все правила» (с. 115-116).

Далее автор показывает нам, что и в городе, как и в деревне, египтяне, даже меняя профессию, образ жизни и манеру поведения, все же зависят от клана, группы, землячества, родни, религиозной общины (особенно суфийского братства), а еще больше - от неформального общественного мнения (*калям ан-нас*), общепринятых норм (*усуль*), узаконенных традицией, прав и обязанности обладать *муджамалят*, т.е. формальной вежливостью и умением говорить друг другу приятные вещи. При чтении этой главы можно узнать (особенно это важно для начинающих востоковедов или лиц, впервые собирающихся ехать в Египет) очень много важного, полезного и малоизвестного (а часто - и просто неизвестного): о морали, обычаях и привычках египтян, их стремлении «сохранить лицо» и прочих чертах национального характера, об отношениях между верхами и низами общества и их эволюции со времен фараонов, о бюрократии и демократии в Египте (причем как в теории, так и на практике). Пресса, политические партии, оппозиция, коррупция, либерализм и социализм в понимании египтян описаны живо, иногда - сочувственно, иногда - с юмором. Очень убедительно вскрыты автором причины успехов исламистов на выборах последних десятилетий. Помимо преимуществ в организации и финансировании, очень важным оказалось то, что в глазах народа «исламисты были как бы партией перемен, а светские оппозиционеры - партией статукво» (с. 127).

Много внимания уделено проблеме мудрого долготерпения египтянина, который «терпел при фараонах и римлянах, при византийцах и халифах, при султанах и короле» и так же терпит «сейчас, при капиталистах и помещиках, в зной и холод, в голод и жажду, в угнетении и унижениях» (с. 132). Далеко не все побывавшие в Египте (как и вообще на Востоке) согласятся с автором в его высокой оценке трудолюбия и трудовой этики египтян. Однако А.М.Васильев достаточно убедительно

тельно доказывает свою правоту ссылками не только на личный опыт общения с жителями Египта, но и на свидетельства иностранных путешественников, журналистов, ученых. При этом он вполне реалистичен, в частности, отмечая, что «пуританская этика, о которой писал Макс Вебер, египтянам чужда» (с. 140).

«Тяжелая жизнь, гнет, бедность, насытый стол», доступность и дешевизна опиума и гашиша с незапамятных времен - также, к сожалению, типичны для повседневного быта слишком многих египтян. И это, несомненно, сказывается на их физическом и моральном состоянии. Мне лично кажется, что с этим связана и свойственная им скрытность, отсутствие откровенности и прямоты в разговоре, нежелание «открыться», что вообще-то характерно почти для всех жителей Востока, особенно при общении с иностранцем. Однако А.М.Васильев, опираясь и на свой опыт работы в других арабских странах и Иране, делает упор на влияние суфизма, выработавшего целый арсенал двойного толкования слов, маскировки истинных намерений, символов, намеков и способов «раскрыть» собеседника (с. 142-145). В то же время это не мешает использованию египтянами, как и другими арабами, «магии слов», т.е. присущего большинству из них умения утопить в потоке красноречия смысл того, что говорится. Лично у меня сложилось впечатление, что все арабы, включая египтян, - прирожденные ораторы, безупречно владеющие этой «магией слов», а иногда - сами попадающие под ее воздействие.

Главы «Есть ли у женщины душа?» (с. 159-195) и «Столпы веры» (с. 197-223) затрагивают традиционные для Египта проблемы положения женщины и религии. Первая из них - это не только вопрос о гражданских правах египтянки, ее участии в общественной жизни и т.п. Значительное место в главе уделено брачному законодательству, брачным обычаям и церемониям, соответствующим правилам поведения, запретам, реакции на их

нарушения, моральным, юридическим, медицинским и прочим аспектам темы. Со всем этим связана и другая важнейшая для Египта проблема - демографическая. «Уже примерно 75 миллионов египтян теснятся на территории примерно 50 тысяч квадратных километров, оставляя остальную территорию пустой» (с. 193). Справиться с этой проблемой без активного участия, обучения и расширения прав женщины невозможно.

Интересна глава «Египтяне или арабы?» (с. 225-262). Ее тема - предмет давнего спора и среди арабов, и среди арабистов о том, существует ли, как гласит лозунг партии Баас и в наши дни, «единая арабская нация и ее вечная миссия». В сущности, в центре этого спора всегда был Египет, со времен Насера выступавший за сплочение арабов вокруг него. Я слышал от старейшего тунисского историка Хасана Хусни Абд аль-Ваххаба, что есть аргументы и «за», и «против» такого единства. В то же время известные французские востоковеды Луи Массиньон и Максим Родинсон (последний - с явным сожалением) говорили мне еще в 1960 г., что единство подобного рода «невозможно географически, экономически, исторически», с политической и социальной точек зрения. Горячим сторонником единства был наш выдающийся арабист 30-х - 60-х гг. В.Б.Луцкий, воспитавший не одно поколение отечественных востоковедов. А вот в Ираке мне довелось быть свидетелем спора местного историка и литератора Юсуфа Изз ад-Дина, который выступал за единство арабов, но на базе литературного общеарабского языка (*фусхи*), и египетской поэтессы Каримы, которая считала, что арабы безусловно объединятся лишь на базе египетского диалекта, уже распространенного по всему арабскому миру благодаря фильмам, пьесам, песням, сборникам анекдотов. Тогда у меня впервые зародилась мысль о том, что лозунг единства - не столько отражение объективной потребности в арабском мире, сколько аргу-

мент в пользу политического лидерства среди арабских стран того или иного государства, вернее - его руководителя. В 50-е - 60-е гг. это лидерство, безусловно, принадлежало Египту, после смерти Насера в 1970 г. его наследником многие считали вождя Ливии Каддафи, а в 80-е гг. на эту роль претендовал даже Саддам Хусейн.

В книге А.М.Васильева эта проблема рассматривается предельно объективно. Автор лучше, чем кто-либо другой, знает все аргументы «за» и «против» единства, понимает (и подробно излагает) их, используя данные истории, лингвистики, культурологии, религиоведения. Языковой дуализм арабов, «фараонизм» в Египте, «финикизм» в Ливане и Тунисе (и, добавлю, «ханаанство» в Сирии и Палестине) не случайны. Они отражают сложные аспекты многовековой эволюции всех этих стран, многоукладность и многоцветность, а также - одновременно близость и самобытность их культур, очень напоминающие сходные (хоть и не во всем) ситуации в романском или славянском мире. Очевидно, само время решит эту непростую проблему, слишком тесно связанную не только с политической конъюнктурой, исторической памятью арабских народов, непростым диалогом их культур, но и с дальнейшими путями формирования их национальных языков, литератур, идеологий, внешнеполитических ориентаций. Очевидно, немалую роль сыграют и методы реализации лидерства в тех или иных объединениях, если они возникнут. Опыт единения Сирии и Египта в 1958-1961 гг. оказался неудачным во многом именно из-за неприемлемости этих методов.

Самая большая и, пожалуй, самая актуальная для большинства читателей глава «Восток есть Восток» (с. 263-324) посвящена египетскому исламу, явившемуся одним из главных источников исламизма международного. Здесь еще тысячу лет назад возник самый авторитетный в мире ислама университет Аль-Азхар.

После разгрома Багдада монголами Каир стал в XIII-XVI вв. резиденцией номинального халифа суннитов. В XIX в. здесь проповедовал свое учение отец панисламизма Джамаль ад-Дин аль-Афгани, дело которого продолжили египтяне Мухаммед Абдо и Рашид Рида. Наконец, именно в Египте возникла в 1928 г. Ассоциация братьев-мусульман, впервые выступивших под знаменем исламского фундаментализма и ставшая зародышем движения исламистов, ныне охватившего многие страны мира. И, вопреки мнению процитированного в книге Фуада Аджамы, американца ливанского происхождения, это «новое утверждение ислама», что бы о нем ни говорили, действительно «означает великий бунт против современности» (с. 263).

«Ислам, - пишет А.М.Васильев, - разнообразен, многолик и противоречив. Его знаменем могут прикрываться общественно-политические течения самого различного характера» (с. 268). Автор подробно проследживает процесс возникновения в Египте со времен экспедиции Бонапарта в 1798 г. «дуализма цивилизаций», неустойчивого, а затем - все более невыносимого, сосуществования традиционных и современных структур. Пропась между «исламофилами» и «модернистами» углублялась весь XIX в. и всю первую половину XX в. Кажется, «антизападная революция 1952 года» (с. 281) должна была их свести воедино. Но этого не произошло, хотя в рядах сторонников Насера были приверженцы исламизма, в том числе похвальный этим в своих мемуарах

Анвар Садат. Исламисты, задавленные Насером, подняли голову только в 70-х гг, ибо «отраженный свет западных леворадикальных идей не мог указать выход из идеологического и политического тупика, в котором оказалось арабское общество» (с. 287).

Против этих идей работало все - неконтролируемый рост быстро нищавшего населения, традиции страны, память народа, крепко связывавшая все западное с колониализмом и империализмом, усиление позиций исламистов, весьма недальновидно поощрявшихся в 70-е гг. Садатом, наконец, все более ощущавшиеся узы нового колониализма - экономического, военного, финансового, технологического, информационного, вторгавшегося в повседневную жизнь и быт мусульман Египта. Объективно все это, как и нерешенность острых социальных проблем бурно растущего за счет сельских мигрантов городского «дна» (прежде всего - в Каире, где живет почти четверть населения страны), питает исламизм. И дело не столько в террористах «Аль-Каиды» и бен Ладене, за которыми следует явное, но шумное меньшинство. Дело в «молчаливом большинстве» исламистов, в которое (не только в Египте) постепенно превращается значительная, если не преобладающая, часть мусульман.

«Религиозные экстремисты и умеренные исламисты, - пишет автор, - фактически оттеснили с ведущих позиций в обществе и своих естественных противников - мусульманских «модернистов», и прозападно настроенных либералов и социалистов (с. 299). Он

подробно проследживает, как же это случилось, почему не смогли противостоять идеям убитого полицией Хасана аль-Банны или казненного певца экстремизма Сейида Кутба мастера культуры Египта, такие, как Таха Хусейн, Тауфик аль-Хаким и многие другие, почему ныне в Египте существует «сотня религиозных организаций» исламистского толка (с. 303).

В заключительной главе - «Одиннадцатая египетская казнь» (с. 325-353) - приводится обильный материал о борьбе египетского общества с терроризмом и экстремизмом, о самой природе этих явлений, о воздействии на них процессов глобализации, о долгой предыстории исламизма в Египте. Автор совершенно правильно, на мой взгляд, оставляет открытым вопрос о его дальнейших судьбах.

В целом, рецензируемая книга - своего рода научно-популярная социологическая и политологическая мини-энциклопедия по Египту, с предельной полнотой информирующая читателя практически о всех общественно значимых сторонах жизни этой самой большой арабской страны. В ней чувствуются и дыхание прожитых Египтом тысячелетий, и сверхусилия народа, на каждом этапе своего развития преодолевающего муки «казней египетских». И подспудно в ней ставится вопрос о том, что терпению народа может настать конец, ибо «ничто не вечно даже на берегах Нила, в тени Сфинкса и пирамид».

*Р.Г. ЛАНДА,
доктор исторических наук*

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

В журнале "Азия и Африка сегодня" в № 4 за 2008 г. была опубликована статья Р.Беккина "Сомалиленд - мечта Адама Смита и Чарльза Дарвина". В ней говорится, что "...большинство министерских постов в стране покупается за 10-15 тыс. долл. ...", причем эти слова приписываются мне.

Полагаю, что автор не выдумал это, и я не намерен его опровергать. Однако считаю необходимым проинформировать редакцию, что эти слова принадлежат не мне, а кому-либо из других собеседников Р.Беккина. О чем, полагаю, должны знать и читатели Вашего издания.

*С уважением,
Саид Ахмед Мохамуд*